

Научная статья

УДК 81'23, 811.133.1

DOI 10.17223/18137083/90/16

**Обыденная семантика бионимов «кукушка» / «хек»
как отражение ментально-культурного сходства
и межэтнического различия
(на материале русского и тувинского языков)**

**Татьяна Геннадьевна Рабенко¹
Цэринчимэд Суге-Баадырович Нурзет²**

¹ Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия

² Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия

¹ tat.rabenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3434-8542>

² tcimed@vk.com, <https://orcid.org/0000-0003-2373-6152>

Аннотация

Предлагаются результаты экспериментального исследования бионимов «кукушка» / «хек» с целью выявления их обыденной семантики в языках различных этносов. При обнаружении некоторой типизированности в представленности кукушки в обыденном сознании русских и тувинцев (гнездовой паразитизм птицы; характерный крик; символика женского начала, смерти, одиночества) прослеживается национально-культурное своеобразие восприятия птицы. Концептное содержание бионима обнаруживает амбивалентное восприятие кукушки в исследуемых лингвокультурах. С одной стороны, наблюдается негативно оценочное отношение к кукушке (оно связано с особенностями биологического поведения птицы), восприятие ее как символического воплощения ряда человеческих пороков (глупости, безответственности, рассеянности). С другой стороны, осуществляется сакрализация данного образа: кукушка мифологически наделяется даром пророчества, связанным с ее способностью предсказывать своим криком продолжительность человеческой жизни и предвозвещать приход теплого времени года.

Ключевые слова

концептуализация, этноконцептология, национальная картина мира, лингвистический эксперимент, обыденная семантика, бионим, кукушка

Для цитирования

Рабенко Т. Г., Нурзет Ц. С.-Б. Обыденная семантика бионимов «кукушка» / «хек» как отражение ментально-культурного сходства и межэтнических различий (на материале русского и тувинского языков) // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 209–222. DOI 10.17223/18137083/90/16

© Рабенко Т. Г., Нурзет Ц. С.-Б., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 209–222
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 209–222

**Ordinary semantics of the bionyms “kukushka”/“hek”
as a reflection of mental and cultural similarities
and interethnic differences
(a case study of Russian and Tuvan languages)**

Tatyana G. Rabenko¹, Tserinchimed S.-B. Nurzet²

¹ Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation

² Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russian Federation

¹ tat.rabenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3434-8542>

² tschimed@vk.com, <https://orcid.org/0000-0003-2373-6152>

Abstract

This work contributes to the study of modern ethnoconceptology, specifically its aspects concerning linguistic and metalinguistic consciousness. We present the findings of an experimental study on the semantics of the bionyms “kukushka”/“hek” (a cuckoo) across various ethnic groups. Data analysis revealed universal bionym features attributable to the objective characteristics of the referent and the nationally specific features linked to idioethnic ordinary linguistic consciousness and national perspective. Typical representations of the cuckoo in the common understanding of Russian and Tuvan peoples revealed distinctive national and cultural interpretations of the bird. As a symbol of the warm season, the cuckoo is included in the imagery of the Tuvan national calendar. The conventional Russian understanding of the cuckoo is characterized by a wider associative range attributable to the polysemy of the lexeme. The semantic range of this lexeme extends beyond ornithological meaning to encompass various other interpretations. Russian and Tuvan linguistic cultures exhibit an ambivalent understanding of the cuckoo. On the one hand, the cuckoo is regarded negatively, embodying numerous human failings. On the other hand, the image undergoes sacralization due to the mythological endowment with prophetic gifts, which is related to its ability to predict human lifespans and the commencement of warmer temperatures.

Keywords

conceptualization, ethnoconceptology, national worldview, linguistic experiment, ordinary semantics, bionym, cuckoo

For citation

Rabenco T. G., Nurzet Ts. S.-B. Ordinary semantics of the bionyms “kukushka”/“hek” as a reflection of mental and cultural similarities and interethnic differences (a case study of Russian and Tuvan languages). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 1, pp. 209–222. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/90/16

Введение

Настоящая работа отражает результаты сопоставительного изучения двух национальных языковых картин мира через описание обыденной семантики бionимов «кукушка» / «хек», представленных в русском и тувинском языках.

Актуальность исследования определяется его включенностью в научную парадигму современной этноконцептологии в той ее части, которая нацелена на изучение обыденной семантики слова, представленного в языке различных этносов. В качестве исходного теоретико-методологического положения принимается идея инвариантности бытия в его национально-этнической реализации. Научная но-

визна исследования определяется привлечением методологических приемов (лингвистический эксперимент, связанный с выявлением функционально-семантической многослойности бионима), позволяющих выявить участие различных слоев обыденной семантики в концептуализации слова и установить роль в данном процессе ряда факторов, среди них свойства самого референта (его биологические, поведенческие характеристики) и национально-культурная специфика респондентов.

Идея существования языка как продукта культуры, фактора формирования культурного кода нации является одной из ключевых в современной лингвистике. По образному выражению В. А. Масловой, «язык рассматривается как путь, по которому мы проникаем в современную ментальность нации» [2018, с. 7]. Фундаментальные основы такого подхода к языку были заложены еще в работах В. фон Гумбольдта, Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа, А. Потебни и др. Являясь основным инструментом познания окружающего мира, язык фиксирует («языков-ляет») результаты познавательной деятельности человека. Посредством языка (и не только) человек получает некие обобщенные знания и одновременно разделяет объекты действительности на составные элементы, классифицирует их. Выявляя черты сходства и различия этих объектов, подводит новые объекты под категории уже известных ему объектов. При этом «каждый язык по-своему членит мир, т. е. имеет свой способ его концептуализации» [Там же, с. 9]. В результате концептуализации происходит осмысление человеком поступающей к нему информации, образование в сознании человека концептов, которые отражают «его собственное видение окружающего мира» [Кубрякова, 2004, с. 315]. В итоге человек – субъект познания – расценивается как «ведущая антропоцентрическая координата» [Магировская, 2008, с. 106]. Будучи концептуализатором – носителем всей концептуальной системы, включающей различные типы знания, человек «активно участвует в формировании значений языковых единиц, выступающих средствами материализации полученных знаний, а также обуславливает выбор языковых средств для наиболее точной актуализации мысли» [Магировская, 2008, с. 106–107; Болдырев, 2000, с. 18].

Признавая в качестве исходной установки положение о существовании концептуального уровня в сознании человека [Демьянков, 1994, с. 29–30; Кубрякова, 2004, с. 314; Павилёнис, 1983, с. 100], мы отталкиваемся от идеи амбивалентной связи неязыкового уровня концептуальной репрезентации знания и языкового уровня значения. Семантический уровень языка противопоставляется концептуальному уровню. И вместе с тем языковое выражение знаний предстает в пределах концептуальной системы как определенная интерпретация субъективного восприятия окружающей действительности [Ланге-Соболева, 2021, с. 30]. В процессе концептуализации действительности моделируется картина мира, которая воплощается в виде совокупности представлений, знаний человека (человеческой общности) о действительности и формируется в индивидуальном и коллективном сознании [Попова, Стернин, 2007, с. 36]. В рамках настоящего исследования описывается картина мира, представленная в обыденном сознании. Обыденное сознание расценивается как «особая форма осмысления накопленных, но не всегда освоенных знаний, которые могут быть итогом непосредственного личного опыта каждого; коллективного социального опыта; теоретических знаний, которые по своему происхождению лежат вне рамок обыденного знания и непосредственной жизненной практики» [Семаш, 2003, с. 9].

Цель настоящего исследования – моделирование фрагмента языковой картины мира посредством описания обыденной семантики бионимов «кукушка» / «хек», сформированной в повседневном коммуникативном опыте рядовых носителей русского и тувинского языков.

Фактологическая база и методы исследования

В работе использован ряд методов, дифференцируемых на разных этапах исследования: на этапе сбора эмпирического материала привлекался метод лингвистического эксперимента, на этапе обработки и анализа материала – количественный прием статистического метода, метод научного описания и сопоставительный метод.

В разработке анкеты, задействованной при проведении лингвистического эксперимента, использована методика сбора материала, предложенная авторами лексикографических проектов «Словарь обыденных толкований русских слов» [СОТРС, 2012] и «Разноязычный словарь обыденной семантики бионимов» (находится в стадии разработки) [Голев и др., 2015].

Анкета включает шесть заданий.

«1. Какие ассоциации возникают у вас в сознании при восприятии слова “кукушка” (для носителей русского языка) / “хек” (для носителей тувинского языка)?

2. Какие значения имеет данное слово?

3. Назовите первые пришедшие на ум фразы, в составе которых есть данное слово.

4. Какие предметы и явления могут быть названы данным словом? (Например, роза – название цветочного магазина).

5. Какие созвучные слова приходят вам на ум, когда вы слышите данное слово? (Например, волк – щёлк, смолк).

6. Как вы считаете, почему так названо явление, обозначенное данным словом?» [СОТРС, 2012, с. 4].

Задания анкеты разработаны таким образом, чтобы у исследователя имелась возможность выявить различные уровни обыденной семантики бионима: понятийный, концептный, ассоциативный. В рамках проведенного исследования осуществлена предварительная систематизация разноязычного материала. На следующем этапе работы предполагается его дифференциация с учетом характера репрезентации разных слоев обыденной семантики: чувственно-ассоциативного (с этим связан первый вопрос), понятийного (второй вопрос), концептного (все последующие вопросы). Эксперимент проводился в очной форме и посредством использования системы Google Forms. Задания давались респондентам на их родном языке. Метаязыком описания выступал русский язык, на который переводились анкеты, полученные в результате опроса носителей тувинского языка. В ходе сбора материала, его обработки учитывались все ответы (количество отрицательных ответов дано в круглых скобках после общего количества положительных ответов).

Эмпирическая база исследования представлена следующим количеством реакций.

Русскоязычные анкеты: 1–183 (0); 2–165 (4); 3–104 (4); 4–94 (13); 5–144 (6); 6–84 (14) (всего 774, отрицательных ответов 41).

Тувинские анкеты: 1–133 (15); 2–125 (31); 3–50 (51); 4–47 (50); 5–84 (21); 6–28 (72) (всего 467, отрицательных ответов 268).

В анкетировании задействовано в среднем 200 респондентов: 100 рядовых носителей русского языка и столько же носителей тувинского. В качестве участников эксперимента выступили преимущественно студенты различных институтов (ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В. М. Шукшина», ФГБОУ ВО «Кызылский педагогический колледж Тувинского государственного университета», ФГБОУ «Тувинский техникум агротехнологий») и 46 испытуемых – жители сел Сарыг-Сеп, Дерзиг-Аксы, Эрзин (Тува).

Обсуждение и результаты Универсальные свойства бионимов «кукушка» / «хек»

Для представителей обеих лингвокультур кукушка – это прежде всего птица: рус. *птица* 78¹; *вид птицы* 16 (92); тув. *кушкаш* ‘птичка’ 50; *куш* ‘птица’ 34 (84).

Определяя значение бионимов «кукушка» / «хек», носители задействованных в исследовании языков называют ассоциации, указывающие на внешние характеристики птицы, среди них:

а) окраска оперения, цвет глаз: рус. *серенькая* (2); тув. *куу өңүг* ‘серого цвета’ 2; *шокар* ‘пёстрый’ 2; *карактары кара* ‘глаза чёрные’ (11);

б) размер птицы, ее крыльев, хвоста, клюва: рус. *маленькая, длинный хвост* (4); тув. *узун кудуруктуг* ‘с длинным хвостом’ 3; *шиштиг чалгыннарлыг* ‘с острыми крыльями’ 2; *думчуу бичии* ‘с маленьким носом’ (8).

Ассоциации, актуализирующие внешний облик птицы, в большей мере представлены в ответах тувинских информантов.

Среди отличительных качеств кукушки представители обеих лингвокультур выделяют способность издавать характерный для кукушки звук – кукование: рус. *кукует* 11; *ку-ку* 5 (36); тув. *ку-ку деп үн* ‘звук ку-ку’ 2; *эдери ку-ку* 2 ‘издает звук ку-ку’; *арыгда эдип турары дыңналды* ‘в лесу слышно, как кукует’ (36).

Данное качество кукушки метафорически поддерживается ассоциациями, объединенными семой «звук» и выступающими возможными номинациями ряда объектов: рус. *будильник; вокальная школа; название фольклорного ансамбля* (4); тув. *ыры ады* ‘название песни’ 4; *ырылар бижээш, үндүрер студияның ады* ‘название звукозаписывающей студии’; *куш сады* ‘птичий магазин’ (5).

Носители задействованных в исследовании языков указывают место обитания птицы: рус. *лес* 13; *лесная птица* 10; *деревня* (30); тув. *арга* ‘лес’ 6; *хову* ‘степь’ 6; *терек* ‘тополь’ 5 (27).

Название птицы, ассоциируемой с лесом, рекой, может использоваться для номинирования следующих реалий: *магазин для охотников; магазин для рыбаков* (3). См. также *Кукушкин дом (театральная школа в Санкт-Петербурге)*.

Определяя значение бионима «кукушка», носители русского и тувинского языков называют ассоциации, указывающие на поведенческие особенности птицы. Среди них прежде всего гнездовой паразитизм – откладывание яиц в гнезда других птиц: рус. *брошенные птенцы* 5; *подкидыш* 3; *не вьющая своего гнезда* 3 (57); тув. *оолдарын / ажы-төлүн кааптар* ‘бросает своих детей / свое потомство’ 3; *өске кушка бодунуң ажы-төлүн кааптар* ‘подкидывает своих детей дру-

---

¹ После ассоциации указана ее частотность, далее в круглых скобках дается общая частотность ассоциаций, содержащих общий семантический признак.

гим птицам' 3; *бодунга уя тутпас* 'не строит себе гнезда'; *ие дег эриг баары чок* 'дословно: как у матери без мягкой печени, т. е. бессердечная' (58).

Среди поведенческих свойств кукушки отмечается ее отнесенность к мигрирующим птицам: рус. *перелетная птица* 3; тув. *чуртун кааптар* 'покидает свой край'; *хек өске чуртче ужул чорупкан* 'кукушка улетела в другие края'.

В меньшей степени актуализирован признак проворности: рус. *проворная* 3; тув. *сергек* 'бодрая'.

Для представителей русской и тувинской лингвокультур (впрочем, не только этих лингвокультур²) кукушка выступает символическим воплощением женского начала. Гендерный символизм эксплицирован посредством ассоциаций, где кукушка предстает метафорическим воплощением матери, бросившей или подбросившей кому-л. ребенка. См. кукуша, кукушка «Беззаботная мать, покидающая детей» [Даль, 1865, с. 819]³; рус. *мать, которая бросила детей* 7, *плохая мать* 6 (84); тув. *ажы-төлүн каапкаи чорупкан херээжен кижги* 'женщина, бросающая своих детей'; *багай ие* 'плохая мать' (17). В тувинской лингвокультуре широко известен миф о кукушке: женщина, которая не ухаживала за своим ребенком, была превращена ханом – ее отцом – в кукушку [Мифы..., 2010, с. 75].

Символический образ кукушки как нерадивой матери поддерживается ассоциациями, полученными в ходе ответа на вопрос о возможных предметах / явлениях номинации: рус. *детский дом* 5; *дом малютки* 2; *центр помощи молодым матерям в трудной жизненной ситуации* (10); тув. *авазы чок ажы-төл бажың адаы* 'дом, где дети без матерей; иначе детский дом'; *ажы-төлүн каапкан ада-ие центри* 'центр для родителей, бросивших своих детей' (8).

Ассоциативную связь бионима «кукушка» и лексем «ребенок» / «дети» поддерживают следующие реакции, полученные преимущественно от русскоязычных респондентов: рус. *детский сад* 2; *родильный дом* 2; *родители*; *магазин детской одежды* 2; *название лейки (детская лейка)* 2 (17); тув. *садик*.

1. Представители обеих лингвокультур называют внутренние качества и черты характера птицы. В их числе глупость: рус. *глупая* 2; *бестолковая* 3 (16); тув. *аамай* 'глупая / бестолковая' (2); безответственность (обусловленная биологическим поведением птицы): тув. *хек ышкаш таваар тояап чоруур магалыг куш чок* 'нет такой птицы, как кукушка, которая беззаботно скитается'; *чалгаа куш* 'ленивая птица', *хек анаа чурттап турар кушкаш* 'кукушка – птица, которая просто живет'; жестокость: рус. *жестокая*; тув. *багай ёзулуг* 'с плохим нравом'⁴. В ответах тувинцев зафиксированы ассоциации с противоположной коннотацией: кукушка – это *хостуг куш* 'свободная птица'³. Единоразы зафиксированы рус. *навязчивая*; *наглая*; тув. *хоккулаар* 'надоедает издаваемым звуком'².

Как следствие, в этических представлениях русского и тувинца кукушка предстает воплощением ряда человеческих пороков, прежде всего низких интеллектуальных и отрицательных моральных качеств. При этом речь идет преимущественно о женщине или девушке (гендерный символизм) – обладательнице таких характеристик, среди них:

---

² Кукушка несет женскую символику и у других народов [Бадмаев, 2023; Гура, 1997; Гусев, 1996].

³ Примечательно, что в испанском языке слово «кукушка» мужского рода. Данному языку «неизвестно сравнение кукушки с безответственной матерью» [Денисова, Кутьева, 2011, с. 99].

⁴ См. кукуша, кукушка в знач. «зловещий человек» [Даль, 1865, с. 819].

2. Глупость: *глупый человек 2; бестолковая женщина; глупая девушка; женщина, которая не особо сообразительная; молодая ветреная девушка; оскорбление; тупость (12).*

3. Безответственность и беззаботность: рус. *безответственность 4; легкомысленная девушка; ветреность.* В русском языке есть глагол «куковать», т. е. «бесцельно проводить время, ожидая кого-, чего-л.» [БТСРЯ, 2008, с. 478]: *сидеть кукушкой, кукушкой куковать 3; куковать – бесцельно проводить время (6).*

4. Лживость⁵: рус. *обман 2; обманищица; кидала (4); тув. хек ышкаш мегечи ‘лжец, как кукушка’.*

5. Рассеянность и забывчивость: *вечно теряющий что-то 2; растяпа 2; невнимательный человек 2; оскорбительное слово для забывчивого человека; человек, который что-то забыл, куда-то опоздал (10).* Сема «рассеянность» кладется в основу наименований ряда реалий: *магазин забытых вещей, ломбард.*

Мифологическое осмысление птицы связывается с ее восприятием как символа одиночества: рус. *одинокая 2, одинокая женщина без детей, одиночество; живет одна кукушкой (3); тув. чаңгыс куш ‘одинокая птица’*⁶. В русском языке у глагола «куковать» есть значение «жить одиноко, без семьи» [БТСРЯ, 2008, с. 478].

Мифологическое восприятие кукушки рядовыми носителями русского и тувинского языков поддерживается реакциями, отсылающими к теме смерти. Преимущественно в ответах русскоязычных информантов кукушка предстает как птица, способная своим кукованием предсказывать оставшиеся годы жизни человека. Вещий дар кукушки актуализируют следующие ассоциации: прежде всего гадание⁷ по кукованию кукушки о сроках жизни – «*кукушка-кукушка, сколько мне (лет) жить осталось*»⁷; *жизнь 3; возраст 3 (50)*. В тувинских анкетах лишь дважды зафиксированы подобного рода ассоциации: *кижиниң каш харга дээр чурттаарын айтып бээр* ‘подсказывает, сколько осталось жить человеку’; *чуртталга* ‘жизнь’. Пророческий дар кукушки актуализируется в многочисленных ответах русскоязычных информантов, отсылающих к тексту известной песни Виктора Цоя «Кукушка»: *скажи, кукушка, пропой 9; песня «Кукушка» Виктора Цоя 3 (всего 53)*. Дар предвидения наделяет кукушку качеством «мудрость»: рус. *мудрость 2*. Мифологический символизм кукушки репрезентирован ассоциацией *кукушка – объект обрядов в Древней Руси*⁸.

---

⁵ Мотив лживости кукушки ярко представлен в славянских фольклорных текстах [Никитина, 2002, с. 37].

⁶ Л. Ю. Гусев, устанавливая коррелятивную связь между символическим образом птицы в русской лингвокультуре и жанровой отнесенностью текстов народнопоэтического творчества, где представлены орнитонимы, пишет о преимущественной распространенности образа кукушки в народной лирической песне, излюбленной темой которой выступает чувство одиночества, тоски и безысходности [Гусев, 1997, с. 45]. Тема одиночества, расставания с любимым, ассоциируемая с образом кукушки, звучит и в тувинской народной песне «Эдер хектиң аялгазы» [Арбын өссүн, 2019, с. 121].

⁷ Гадание о сроках жизни по кукованию кукушки – одно из самых распространенных до настоящего времени и выходящих за рамки славянской традиции верований [Бадмаев, 2023; Гура, 1996; Никитина, 2002].

⁸ В шаманской обрядности ряда сибирских тюрков (в том числе тувинцев) кукушка респондировалась «как дух-помощник шамана (шаман имитировал ее голос во время камлания, и ее образ применялся в культовой атрибутике)» [Бадмаев, 2023, с. 153].

Мифологически осмысленная способность кукушки отсчитывать время под-держивается ассоциациями, полученными в ходе ответа на вопрос о возможных предметах номинации. Словом «кукушка» могут быть названы *магазин часов 5; марка часов (6)*.

В ответах преимущественно русскоязычных информантов представлены ассоциация, отсылающие к особому виду настенных часов с боем, имитирующим кукование, которые устойчиво соотносятся с русской лингвокультурой: рус. *часы с кукушкой 5; деталь часового механизма, деталь (старинных) часов 4 (33)*; тув. *шакта демир куш* ‘металлическая птица на часах’, *шак* ‘часы’ (2).

Русские информанты называют ассоциации, актуализирующие фитонимы со словом «кукушка»: *кукушкины слёзки 2; кукушкин лён – мох (3)*.

Национально-специфические признаки бионимов «кукушка» / «хек»

В обыденном представлении носителей тувинского языка кукушка устойчиво ассоциируется с теплым временем года⁹. Вписанность образа кукушки в темпоральную картину мира тувинцев отражает особенности национального мировидения данного этноса. Об ассоциативной связи птицы с теплым временем года свидетельствуют многочисленные ассоциации: *час* ‘весна’ 7; *чай* ‘лето’ 5; *дэрт айда эдер* ‘в четвертом месяце кукует’ 2; *4 ай тэнчүзүнде алгырар* ‘кричит в конце четвертого месяца’; *хек-даван* ‘подснежник’ 9; *часкы чечектер* ‘весенние цветы’ 3; *хек часкы үеде частып унер* ‘подснежник распускается весной’; *эдерге-ле хек, базарга-ла көк* ‘всё, что поет, поет, как кукушка, куда не ступишь – везде зелень-трава’ (32)¹⁰.

Ш. Ю. Кужугет в диссертационном исследовании, посвященном темпоральной картине мира тувинцев, представляет «природное время как циклическую модель, которая обозначает не только смену времен года и части суток, но и народные приметы, представленные в народном календаре народа» [Кужугет, 2014, с. 11]. В народном календаре тувинца (как, впрочем, всех тюрков Сибири) в названиях месяцев находят отражение сезонные занятия тувинцев охотой, земледелием, собирательством, отражаются и названия птиц, животных, активных в тот или иной месяц и потому соотносимых с этим месяцем, к примеру: «месяц кукушки», «месяц бурундука» и т. д. Среди природных ориентиров времени в тувинской культуре птицы, растения – кукушка и подснежник – как неизменные атрибуты теплого времени года широко представлены в исследуемом материале.

Подобного рода ассоциация единожды зафиксирована в русскоязычном материале: *лето*.

В ответах респондентов из Тувы явно прослеживается ассоциативная связь кукушки с образом неба и небесным светилом, что позволяет говорить о включенности образа кукушки в пространственную картину мира тувинцев: *дээр* ‘небо’ 8; *хүн* ‘солнце’ 4; *көк дээр* ‘синее небо’ 3; *аяс хүн* ‘ясное солнце’; *дэ-*

⁹ Подобного рода связь прослеживается и у других тюркских народов. Так, традиционным башкирским праздником является «Кукушкин чай». Пришедший из язычества, этот обряд издревле проводится в «месяц кукушки» (с конца апреля по июль), когда освободившаяся от снега земля покрывается зеленой травой и из теплых стран возвращаются перелетные птицы [Юлдыбаева, 2012, с. 155].

¹⁰ В тувинском языке одно и то же прилагательное «көк» используется для обозначения зеленого, синего, серого цветов.

эрде кушкаш 'птица в небе' (17). В обыденном восприятии тувинцев небо является не только воздушным пространством, где летает птица, а местом существования высших сил, посредником которых становится птица. Сакрализация неба отражает особенности национального мировидения тувинцев, связанного «с существованием в духовной культуре этого народа культа Неба, имеющего смысл духовного Неба-Отца» [Самдан, 2018, с. 502; Рабенко, Нурзет, 2023, с. 94–95].

Национальное своеобразие исследуемого бионима прослеживается в прецедентных текстах, полученных в ходе эксперимента. Помимо упомянутой выше песни «Кукушка» группы «Кино», русскоязычные информанты вспомнили строки русской народной песни: «там кукушка кукует, мое сердце волнует»; скороговорку «кукушка кукушонку купила капюшон» 11; крылатое выражение «кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку» (3) из басни И. А. Крылова. Единжды зафиксирован афоризм «променять кукушку на ястреба» в знач. «сменять плохое на худшее» [БТСРЯ, 2008, с. 479].

Тувинские респонденты знают кукушку как персонажа народных сказок, что доказывают ассоциаты: *тоол* 'сказка' 2, *хек* – *тоолда кирген куш* 'кукушка – птица, вошедшая в сказки' (4).

В ответах тувинских испытуемых отмечаются ассоциации, реализующие эстетическую и утилитарную оценку кукушки. В обыденном представлении тувинца кукушка – это птица *чараши* 'красивая'; *дыка чараши* 'очень красивая'; *чаптанчыг* 'милая'; *чараши бичии куш* 'красивая маленькая птица' (6); *херек куш* 'нужная птица' 2. И вместе с тем кукушка – птица *бөдүүн* 'простая / обычная'.

Только в ответах русскоязычных испытуемых представлены ассоциации бионима «кукушка» с жаргонизмом «голова»: *кукушка поехала*; *поехать кукушкой*; *сумасшествие* 2; *голова на жаргоне* (5). См. «кукушка поехала (уехала, слетела)» в знач. «о состоянии психического расстройства, неадекватном поведении» [Мокиенко, Никитина, 2007, с. 339]. Отсюда ассоциации, полученные в результате ответа на вопрос о возможных предметах номинации: *психбольница*, *клиника для психически больных* (4).

Русскоязычные респонденты дважды назвали ассоциации, отсылающие к названию *аппарата для промывания гайморовых пазух* (в основе метод лечения, при котором пациент повторяет слог «ку»).

Единожды дан ответ: кукушка – это *местный поезд*. См.: кукушка – «небольшой маневровый паровоз (от буквенного обозначения его серии – К.)» [БТСРЯ, 2008, с. 479].

Заключение

Итак, проведенное исследование позволяет установить объем и концептное содержание бионимов «кукушка» / «хек» в обыденном сознании представителей русской и тувинской лингвокультур.

Обнаруживается ряд характеристик, обусловленных объективными свойствами референта. В концептном содержании бионима «кукушка» выявляются признаки, эксплицированные ассоциациями, которые называют внешние признаки птицы (цвет оперения, размер птицы), ее биологические и поведенческие качества (гнездовой паразитизм, характерный крик – кукование, место обитания).

При наличии некоторой типизированности в обозначении внешних и поведенческих свойств кукушки у представителей обеих лингвокультур прослеживаются различия в частотности проявления ряда признаков. Респонденты из Тувы «более

сведущи» в описании внешних признаков кукушки. Полагаем, что данное обстоятельство связано с географическими особенностями региона, где проживают тувинцы. Тува расположена в центральной части Азии, где, помимо таежного, представлен пустынно-степной ландшафт. Открытое пространство позволяет человеку наблюдать за этой птицей.

В ответах носителей обоих языков актуализируются символические признаки бионима. Исследуемый материал обнаруживает признаки гендерного символизма, основанного на восприятии кукушки как птицы, стереотипно воплощающей женское начало. Свидетельство тому – многочисленные ассоциации, которые возникают на базе метафорической номинации женщины (или девушки) как безответственной матери, женщины, отличающейся глупостью, ветреностью, рассеянностью и пр. Однако гендерный символизм (в целом персонификация кукушки) в большей мере характерен для представителей русской лингвокультуры. В их обыденном представлении кукушка является воплощением ряда худших человеческих качеств: глупости, безответственности, лени, склонности к бесцельному времяпровождению. Русскоязычные информанты более разнообразны в оценочно-символической характеристике птицы.

В концептном содержании бионима «кукушка» представлен признак «одиночества». Возникает некоторое противоречие в восприятии данной птицы (связанное с биологическим поведением кукушки): кукушка – птица, являющаяся символом одиночества, стремится к изоляции от птичьего сообщества и вместе с тем громким надоедливый криком (кукованием) заявляет о себе.

В ответах русскоязычных респондентов прослеживается полисемия исследуемого слова. Помимо бионимического значения «птица» и значения «мать, бросившая своих детей» (зафиксированных и в ответах тувинцев), здесь выявлены значения «голова» (жарг.), «маневровый поезд», «аппарат для промывания гайморовых пазух» (хотя ассоциации подобного рода не столь частотны). Национальный колорит бионима «кукушка» поддерживается ассоциациями, отсылающими к особому виду настенных часов (часы с кукушкой).

Идиотническая специфика бионима «кукушка», прослеживаемая в ответах респондентов из Тувы, сопрягается с символическим восприятием данной птицы как предвестницы теплого времени года. Подобное восприятие кукушки, ее включенность в обыденное представление тувинцев о природных ритмах наполняется особым этнокультурным смыслом.

В концептном содержании исследуемого бионима выявляется мифологический компонент, преимущественно в русскоязычном материале. В обыденном представлении русского человека и тувинца кукушка наделена пророческим даром: кукушка своим кукованием предсказывает продолжительность жизни человека.

Концептное содержание бионима «кукушка» обнаруживает амбивалентное восприятие данной птицы в русской и тувинской лингвокультурах: с одной стороны, наблюдается негативно оценочное восприятие кукушки (что связано с особенностями биологического поведения этой птицы как гнездового паразита), эта птица становится символическим воплощением ряда человеческих пороков (глупости, безответственности, рассеянности, жестокости); с другой стороны, осуществляется сакрализация данного образа: кукушка мифологически наделяется пророческим даром, связанным с ее способностью предсказывать своим характерным криком продолжительность человеческой жизни (гадание по кукованию) и предвозвещать приход теплого времени года.

Список литературы

- Бадмаев А. А.* Образ кукушки в традиционных представлениях и обрядности бурят // Вестник НГУ. Серия: История, филология, 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 147–156. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-147-156
- Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. 123 с.
- БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: Рипол классик, 2008. С. 478–479.
- Голев Н. Д., Ким Л. Г., Стеванович С. В.* Разноязычный словарь обыденной семантики бионимов как источник сопоставительных исследований наивной картины мира носителей различных языков // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, № 2. С. 29–35.
- Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Гусев Л. Ю.* Птицы русского фольклора: Лингвистическое исследование. Курск: Изд-во Курск. пед. ун-та, 1996. 111 с.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: [В 4 ч.]. М.: Тип. Лазаревского института восточных языков, 1865. Ч. 2: И–О. С. 629–1351.
- Демьянков В. З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
- Денисова А. П., Кутьева М. В.* Орнитоним «кукушка» в языковой картине мира носителей русского и испанского языков // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2011. № 3. С. 98–108.
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: ЯСК, 2004. 560 с.
- Кужугет Ш. Ю.* Лексико-семантическое поле «природное время» в прозе К.-Э. К. Кудажы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кызыл, 2014. 24 с.
- Ланге-Соболева Т. А.* Проблема раскрытия термина «концептуализация» в современной лингвистике // Наука и образование сегодня. 2021. № 6 (65). С. 27–32.
- Магировская О. В.* Особенности концептуализации и категоризации мира в рамках когнитивной деятельности наблюдателя // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2008. № 21. С. 105–114.
- Маслова В. А.* Современная лингвистика – наука о человеке, его сознании, языке и культуре // Гуманитарный вектор. 2018. Вып. 13, № 1. С. 6–11.
- Мифы, легенды, предания тувинцев / Сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010. 372 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа-групп, 2007. 783 с.
- Никитина А. В.* Образ кукушки в славянском фольклоре. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 176 с.
- Павлѐнис Р. И.* Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
- Попова З. Д., Стернин И. А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
- Рабенко Т. Г., Нурзет Ц. С.-Б.* Обыденная семантика бионимов орел / эзир в русском и тувинском языках (по результатам лингвистического эксперимента) // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 3. С. 82–99.
- Семаш А. Ю.* Обыденное сознание и коммуникативные аспекты рекламы: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2003. 16 с.

Самдан З. Б. Символика времени и пространства в тувинской мифологии // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 501–504.

СОТРС – Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы: В 2 т. / М. Ю. Басалаева, М. Е. Воробьева, Н. Д. Голев, Я. А. Дударева, А. В. Замилова, Л. Г. Ким, Е. В. Кишина, Т. Ю. Кузнецова, Н. В. Мельник. Кемерово: КемГУ, 2012. Т. 1: А–М (АБРИКОС – МУРАВЕЙ) (478 слов-стимулов). 536 с.

Юлдыбаева Г. В. Кукушка в фольклоре тюркских народов // Вестник Челябин. гос. ун-та. 2012. № 20 (274). Филология. Искусствоведение. Вып. 67. С. 154–156.

Арбын эссун: Учеб. пособие для педагогов и студентов средних и высших учебных заведений, руководителей и артистов народных хоров и ансамблей / Авт.-сост. А. Х. Кач-оол; отв. ред. Г. Б. Сыченко. Кызыл, 2019. 220 с.

References

Arbyn essun: Ucheb. posobie dlya pedagogov i studentov srednikh i vysshikh uchebnykh zavedeniy, rukovoditeley i artistov narodnykh khorov i ansambley [Arbyn essun: Manual for teachers and students of secondary and higher educational institutions, leaders and artists of folk choirs and ensembles]. A. Kh. Kach-ool (Comp.), G. B. Sychenko (Ed.). Kyzyl, 2019, 220 p.

Badmaev A. A. Obraz kukushki v traditsionnykh predstavleniyakh i obryadnosti buryat [The image of the cuckoo in traditional representations and rituals of the Buryats]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and ethnography, pp. 147–156. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-147-156

Boldyrev N. N. *Kognitivnaya semantika* [Cognitive semantics]. Tambov, TSU, 2000, 123 p.

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [A large explanatory dictionary of the Russian language]. S. A. Kuznetsov (Ed. in Ch.). St. Petersburg, Norint, Moscow, Ripol Classics, 2008, pp. 478–479.

Golev N. D., Kim L. G., Stevanovich S. V. Raznoyazychnyy slovar' obydennoy semantiki bionimov kak istochnik sopostavitel'nykh issledovaniy naivnoy kartiny mira nositeley razlichnykh yazykov [Multilingual dictionary of everyday semantics of bionyms as a source of comparative studies of the naive picture of the world of speakers of different languages]. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2015, vol. 13, no. 2, pp. 29–35.

Gura A. V. *Simvolika zivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Animal symbolism in the Slavic folk tradition]. Moscow, Indrik, 1997, 912 p.

Gusev L. Yu. *Ptitsy russkogo fol'klora: Lingvisticheskoe issledovanie* [Birds of Russian: A linguistic study]. Kursk, Izd. Kursk. ped. univ., 1996, 111 p.

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 ch.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 pts.]. Moscow, Tip. Lazarevskogo instituta vostochnykh yazykov, 1865, pt. 2: I–O, pp. 629–1351.

Dem'yankov V. Z. Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podkhoda [Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach]. *Voprosy Yazykoznanija (Topics in the study of language)*. 1994, no. 4, pp. 17–33.

Denisova A. P., Kut'eva M. V. Ornitonim “kukushka” v yazykovoy kartine mira nositeley russkogo i ispanskogo yazykov [Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach]. *RUDN Journal of Russian and foreign languages research and teaching*. 2011, no. 3, pp. 98–108.

Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 560 p.

Kuzhuget Sh. Yu. *Leksiko-semanticheskoe pole "prirodnoe vremya" v proze K.-E. K. Kudazhy* [The lexical and semantic field "natural time" in the prose of K. E. K. Kudazha]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Kyzyl, 2014, 24 p.

Lange-Soboleva T. A. Problema raskrytiya termina "kontseptualizatsiya" v sovremennoy lingvistike [The problem of revealing the term "conceptualization" in modern linguistics]. *Science and education today*. 2021, no. 6 (65), pp. 27–32.

Magirovskaya O. V. Osobennosti kontseptualizatsii i kategorizatsii mira v ramkakh kognitivnoy deyatel'nosti nablyudatelya [Features of conceptualization and categorization of the world within the framework of the observer's cognitive activity]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2008, no. 21, pp. 105–114.

Maslova V. A. Sovremennaya lingvistika – nauka o cheloveke, ego soznanii, yazyke i kul'ture [Modern linguistics is the science of man, his consciousness, language and culture]. *Humanitarian Vector*. 2018, iss. 13, no. 1, pp. 6–11.

Mify, legendy, predaniya tuvintsev [Myths, legends, and traditions of the Tuvans]. N. A. Alekseev, D. S. Kuular, Z. B. Samdan, Zh. M. Yusha (Comps.). Novosibirsk, 2010, 372 p.

Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [A large dictionary of Russian sayings]. Moscow, OLMA Media-grupp, 2007, p. 783.

Nikitina A. V. *Obraz kukushki v slavyanskom fol'klore* [The image of the cuckoo in Slavic folklore]. St. Petersburg, Philological Faculty of SPbSU, 2002, 176 p.

Pavilenis R. I. *Problema smysla: sovremennyy logiko-filosofskiy analiz yazyka* [The problem of meaning: a modern logical and philosophical analysis of language]. Moscow, Mysl', 1983, 286 p.

Popova Z. D., Sternin I. A. *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic and cognitive analysis of language]. Voronezh, Istoki, 2007, 250 p.

Rabenco T. G., Nurzet Ts. S.-B. Obydannaya semantika bionimov orel/ezir v russkom i tuvinskom yazykakh (po rezul'tatam lingvisticheskogo eksperimenta) [The everyday semantics of the Orel/Ezir bionyms in the Russian and Tuvan languages (based on the results of a linguistic experiment)]. *Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue)*. 2023, vol. 12, no. 3, pp. 82–99.

Semash A. Yu. *Obydennoe soznanie i kommunikativnye aspekty reklamy* [Everyday consciousness in the communicative aspect of advertising]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. St. Petersburg, 2003, 16 p.

Samdan Z. B. Simvolika vremeni i prostranstva v tuvinskoj mifologii [The symbolism of time and space in Tuvan mythology]. *The world of science, culture and education*. 2018, no. 6 (73), pp. 501–504.

Slovar' obydennykh tolkovaniy russkikh slov. Leksika prirody: V 2 t. [Dictionary of everyday interpretations of Russian words. Vocabulary of nature: In 2 vols.]. M. Yu. Basalaeva, M. E. Vorob'eva, N. D. Golev, Ya. A. Dudareva, A. V. Zamilova, L. G. Kim, E. V. Kishina, T. Yu. Kuznetsova, N. V. Mel'nik. Kemerovo, KemSU, 2012, vol. 1: A–M (ABRIKOS – MURAVEY) (478 words-stimuli), 536 p.

Yuldybaeva G. V. Kukushka v fol'klore tyurkskikh narodov [The cuckoo in the folklore of the Turkic peoples]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2012, no. 20 (274). *Filologiya. Iskusstvovedenie* [Philology. Art History], iss. 67, pp. 154–156.

Информация об авторах

Татьяна Геннадьевна Рабенко, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия)

Scopus Author ID 57192176453

WoS Researcher ID H-5817-2016

Цэринчимэд Суге-Баадырович Нурзет, аспирант Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия)

Scopus Author ID 58899898500

WoS Researcher ID KQU-5276-2024

Information about the authors

Tatyana G. Rabenko, Doctor of Philology, Professor, Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)

Scopus Author ID 57192176453

WoS Researcher ID H-5817-2016

Tserinchimed S.-B. Nurzet, Postgraduate, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation)

Scopus Author ID 58899898500

WoS Researcher ID KQU-5276-2024

Статья поступила в редакцию 22.02.2024;

одобрена после рецензирования 14.06.2024; принята к публикации 14.06.2024

The article was submitted on 22.02.2024;

approved after reviewing on 14.06.2024; accepted for publication on 14.06.2024